

КАТЕГОРИЯ «ВРЕМЯ» КАК ПАРАМЕТР ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Е.В. Бондаренко

Кафедра второго иностранного языка
Белгородский государственный университет
ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015

Статья посвящена изучению параметра «время». Проблема времени имеет комплексный характер. Познание категории «время» сопряжено с поисками прагматических установок человека, а также с его духовными исканиями. Пространственно-временные характеристики как предмет анализа важен для разных областей знания, в том числе и для языкознания. Категория «время» особо значима для системно-структурных исследований языка.

Ключевые слова: категория «время», анализ, система языка, лингвистическое время, эволюция, будущее языковой системы.

Категории «пространство» и «время» принадлежат к фундаментальным категориям человеческого сознания. Они занимают одно из ведущих мест в модели мира, которая характеризует ту или иную культуру (и язык как ее составную часть), наряду с другими компонентами, такими как «причина», «изменение», «статика» и «движение», «отношение индивидуального к общему» и «части к целому». «В совокупности эти категории представляют своего рода сетку координат, при посредстве которых люди, принадлежащие к данной культуре, воспринимают и осознают мир и строят его образ» [1].

Комплексный характер проблемы времени, независимо от того, в рамках какой научной дисциплины оно рассматривается, выражается в его довольно сложной концептуальной структуре, состоящей из ряда вопросов, каждый из которых имеет самостоятельное научное содержание: объективность времени, его отношение к движению и прогрессу, соотношение реальных физических различий между прошлым, настоящим и будущим, содержание понятий «момент настоящего», а также ряд положений, связанных с различными аспектами временных отношений: направление времени, его необратимость, универсальность и т.д. Все эти проблемы неравноценны по своей значимости. В истории изучения частных проблем они играют различную, но всегда важную роль [2].

Осознание времени сопряжено не только с жизненными прагматическими установками, но и с духовной деятельностью, определяющей стремление человека познать смысл жизни и попытаться объяснить мир. «У человека нет специального органа для восприятия времени, но именно оно организует его психический склад» — тонкое замечание Н.Д. Арутюновой [3]. Не менее интересно по этому поводу выразился академик Д.С. Лихачев: «Где нет событий — нет и времени» [4]. Понятие «времени» понимается как построение человеческого разума, с необходимостью возникающее как высшая форма приспособления к одному из основных аспектов нашего чувственного опыта — к *изменению*. Каждая культура имеет собственное время и в каждой культуре есть различные времена [5].

Для языкознания категория «время» относительна: в синхронном плане это «отношение говорящего к моменту действия», в типологическом плане «время» малозначимо. Собственно внеязыковое, астрономическое, абсолютное понятие «времени» оказывается малозначимым и в языковой диахронии. Здесь важнее этапы, моменты возникновения точек бифуркации, тенденции прогрессивного движения.

Языковая система «времени» строится человеком на основании рефлексии, связанной с объектами текущего и предшествующего восприятия. В большинстве языков мира языковое время условно делится на настоящее и прошедшее. Это сфера человеческого опыта, вербального и невербального мышления, форма языкового представления о «времени» и «пространстве» в общефилософском и в лингвистическом отношениях. Данный факт связан с объективной потребностью человека в делении и измерении «времени» и «пространства» [6].

Темпоральность является лингвистическим аспектом категории «времени». Это вся совокупность способов выражения средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой категории [7]. Исследования, посвященные проблеме языковой интерпретации «времени», в лингвистике многочисленны [8].

Все существует во «времени» и «пространстве», но каждая конкретная языковая система функционирует и развивается в своем конкретном «времени» и «пространстве». Их можно определить как «внутреннее время и пространство», присущее только данной языковой системе. Это обстоятельство определяет лингвистическую относительность этих категорий по отношению к «астрономическому времени» и «географическому пространству». Они выделяются при описании любого синхронного среза языка по наличию отличительных характеристик, этапов и «событий», присущих именно этому равновесному состоянию языковой системы. Средства и способы актуализации объективных пространственно-временных категорий отдельных синхронных срезов могут значительно отличаться друг от друга даже в пределах одного и того же языка.

Пространственно-временные характеристики языковой системы, несмотря на их относительность, могут оказаться довольно важными сторонами ее качественной определенности. Говоря о состояниях языковой системы, прежде всего, необходимо иметь в виду определенные рамки, где прослеживаются языковые особенности данного синхронного среза — это так называемое «лингвистическое время». Категории «время» и «пространство», таким образом, могут рассматриваться также как существенные системообразующие факторы. С другой стороны, категория «время» может быть понята и как нейтральная категория по отношению к языковой системе. Может показаться, что «время» лишь регистрирует факт существования языковой системы в определенный период, никак на нее не влияя. «Будучи весьма активным фактором системоорганизации, воздействующим на систему языка как некая протяженность, длительность, эта категория способствует развитию и функционированию системы, но в то же время является и системо-разрушающим фактором. В любом объекте должна быть доля хаоса, разруше-

ния. «Порядок и хаос, организация и деструкция — все должно быть уравновешено» [12].

Понятие «системоразрушения» философы-синергетики понимают диалектически: разрушение одних синхронных состояний системы, характеризующихся относительным равновесием всех единиц и подсистем, всегда сопровождается возникновением новых системных состояний и новых отношений между системными элементами. Еще классики компаративистики — младограмматики считали фонетический фактор наиболее деструктивным. В этом отношении достаточно упомянуть Г. Пауля [11]. Позднее А. Мартине [10] и Е. Курилович [11] неоднократно упоминали об этом, ссылаясь то на «стремление человека говорящего к экономике, как артикуляционных движений, так и использования самих языковых средств», то на «человеческий фактор в процессе манифестации своих мыслей». И действительно, первый толчок инновациям исходит от человека говорящего.

Время, как прошлое, так и будущее, представляется как нечто внешнее по отношению к конкретному состоянию языковой системы, т.к. ее внутренним временем является своеобразное «настоящее». Синхронный срез языка актуален. Он существует «здесь и сейчас» для определенного пространственно-временного отрезка. Прошлые состояния этой языковой системы уже отчуждены от нее, они уже латентны, виртуальны. Но, тем не менее, они могут продолжать свое воздействие на систему как остаточные реликты предыдущих этапов ее развития. Процессы, начатые в прошлых состояниях языковой системы, при определенных условиях могут найти свое дальнейшее развитие и продолжение в настоящем состоянии системы. Языковая система в своем нынешнем положении непосредственно опирается и исходит из своих прошлых состояний.

В исследовательских работах синхронного плана важными оказываются и диахронические данные. Их роль постоянно возрастает. С расширением и углублением знаний о прошлых состояниях языковой системы можно делать более точные выводы относительно ее нынешнего состояния и возможностей ее будущего развития. «Будущее» еще не принадлежит современной языковой системе, однако вся ее внутренняя динамика сосредоточена на достижении будущего. «Будущее» преддетерминирует настоящее, оно существует в настоящем, поэтому можно говорить о том, что «цели эволюции системы» [13] оказываются предзаданными.

В синергетике изменяется общее представление о будущем. Будущее состояние сложных систем трудно поддается предсказаниям, оно неоднозначно. В нелинейных средах оно латентно присутствует, это т.н. спектр целей развития будущих возможных структур. Некоторые из них могут быть актуализированы в процессе дальнейшего развития, а иные так и останутся потенциальными. Здесь реализуется определенный набор эволюционных путей. Эти расчетные структуры-аттракторы определяются исключительно внутренними свойствами системы. Говоря о будущем, мы невольно соприкасаемся с понятием «результат», т.к. будущее языковой системы представляется как определенное состояние языка, логически следующее за его нынешним состоянием. Иначе говоря, «время» как

«будущее» в нашем сознании связано с возможным расчетным состоянием рассматриваемой системы, которое и будет результатом ее развития. При первичном рассмотрении понятия «будущее» и «результат» синонимичны. Но, погружаясь в исследуемую проблематику, приходим к пониманию того, что результат, как некоторое достигнутое или потенциально предвидимое расчетное состояние языковой системы, может изменять саму систему, обуславливать взаимодействие элементов ее структуры и их функций. «Результат» выступает как своеобразный фактор, корректирующий все развитие языковой системы.

Разделение диахронического развития любого языка на древний, средний, новый периоды развития весьма условно: это сделано в дидактических целях, для удобства преподавания и усвоения, без учета факторов лингвистического характера, когда в древнем памятнике оказывается больше признаков последующих этапов, нежели предыдущих. К примеру: Г. Остгоф рассматривал супплетивизм в глаголе гот. *gagga — iddja* [10] как явление переходного порядка, свидетельствующее о закономерных, противоборствующих тенденциях в развитии семантики: тенденции к обобщению и тенденции к обособлению, индивидуализации значений. Супплетивные формы русск. *иду — шел*, в личных местоимениях русск. *я — мой, мы — наш*, англ. *we — our*, степеней сравнения прилагательных и наречий русск. *хорошо — лучше*, нем. *gut — besser*, числительных русск. *один — первый*, англ. *one — the first*, возможно, являются результатом проявления затухающей, некогда потенциальной, но ныне уже виртуальной тенденции к обособлению. Древность этих языковых отношений обосновывается тем, что супплетивные ряды являются пережитками тех эпох, когда семантически разнородные и формально различные слова впервые стали объединяться в единую парадигму систем склонений и спряжений.

В готском языке флексия страдательного залога, соответствующая формам медиопассива в других индоевропейских языках, была представлена лишь в презентных образованиях индикатива и опатива. Эта бедность форм так и не развернулась, осталась на уровне потенциальных явлений и была позднее заменена описательными аналитическими конструкциями, состоящими из вспомогательного глагола *wesan* или *wairfan* и причастия второго основного глагола. Классическая компаративистика была ориентирована на астрономическую хронологию письменных памятников, архаичными считались лишь те явления, которые были отмечены в санскрите или древнегреческом языке. Позднее в готском языке отмечались многочисленные инновации, вызванные специфическим развитием его фонологической, морфологической и синтаксической подсистем.

Этапы эволюции языка следует исчислять не по «астрономическим параметрам времени», как это делает традиционная компаративистика, но по этапам «лингвистического времени», по точкам бифуркации — вершинам энтропии, неустойчивым состояниям системы, после которых можно судить о последующем потенциальном пути развития системы. Точки бифуркации — это «мгновения между прошлым и будущим», эпоха перемен в системе, мало связанная с астрономическим «временем» и географическим «пространством».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гуревич А.Я.* Время как проблема истории культуры // *Вопросы философии*. — 1969. — № 3. — С. 105—116.
- [2] *Молчанов Ю.Б.* Труды международного общества по изучению времени // *Вопросы философии*. — 1977. — № 5. — С. 159—165.
- [3] *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека — 2-е изд., испр. — М.: Яз. рус. культуры, 1999.
- [4] *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы — 3-е изд., доп. — М.: Наука, 1979.
- [5] *Фресс П.* Приспособление человека ко времени // *Вопросы психологии*. — 1996. — № 1. — С. 43—57.
- [6] *Weisgerber L.* Die sprachliche Gestaltung der Welt. — Düsseldorf, 1962.
- [7] *Дешерьева Т.И.* Лингвистический аспект времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // *Вопросы языкознания*. — 1975. — № 3. — С. 11—119.
- [8] *Бондарко А.В.* Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2001.
- [9] *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. — 3-е изд., доп. — М.: Наука, 1979.
- [10] *Martinet A.A.* Functional View of Language. — Oxford, 1961.
- [11] *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. — М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
- [12] *Князева Е.Н.* Антропный принцип в синергетике // *Вопросы философии*. — 1997. — № 3. — С. 62—79.
- [13] *Князева Е.Н.* Жизнь неживого с точки зрения синергетики // *Синергетика: труды семинара*. — М., 2000. — № 3. — С. 39—61.

THE TIME CATEGORY AS A MEAN OF LANGUAGE SYSTEM STUDY

E.V. Bondarenko

Second Language Department
Belgorod State University
Pobeda str., 86, Belgorod, Russia, 308015

The article is devoted to category of time study. This issue has complex characteristic. It is an object of special analysis and is very essential in many kinds of science. It is also used in linguistic studies. The category understudy has primarily importance for systematic language study.

Key words: category of «time», analysis, language system, linguistic time, evolution, future of the system.